

- поэтапность финансирования, в соответствии с темпами развития компании;
- тесное взаимодействие между венчурным фондом и создаваемыми с его участием компаниями;
- получение дохода при «выходе» из компании, путем продажи своей доли.

Венчурное финансирование является с одной стороны способом финансирования инновационного вектора экономики, а с другой – инновационной формой предпринимательства. Главная цель венчурного финансирования – объединить финансовые и организационные возможности одних предпринимателей и интеллектуальные ресурсы других в реальном секторе экономики. Такое объединение позволит получить доход обоим предпринимателям. [2].

Как известно в РБ создан и функционирует Российско-Белорусской фонд венчурных инвестиций. В рамках своей деятельности Российско-Белорусской фонд венчурных инвестиций может осуществлять: приобретение и последующее отчуждение долговых ценных бумаг эмитентов; отчуждение акций (долей, паев) юридических лиц; предоставлять займы при условии участия в целевой компании. Объем возможного финансирования на начальном этапе определяется в зависимости от масштабов деятельности самой инновационной компании.

Развитие венчурного финансирования на территории РБ напрямую связано с процессами ее интеграции в мировое экономическое сообщество. Создание новых для нашей республики и гармонизированных с международными стандартами финансовых институтов существенно снизит риски потери капиталов в инновационных секторах и обеспечит их дальнейший рост.

Литература

1. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь / Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/otrasli-statistiki/nauka-i-innovatsii/ofitsialnye-publikatsii_3/index_440/
2. Венчурный капитал и прямые инвестиции в России: Сборник статей и выступлений СПб.: РАВИ, 2009-164.

УДК 330.341.42:338.45.01

С. Ю. Солодовников

solodovnicov_s@tut.by

Белорусский национальный технический университет, Беларусь

ЭКОНОМИКА РИСКОВ – ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Современная экономика перестает быть рыночной в понимании рынка первой половины XX века – рыночный сегмент становится периферийным. Автором предлагается определить современную экономику как экономику рисков – экономику высокотехнических и наукоемких производств, характеризующуюся высочайшей степенью политико-экономических, технологических, финансовых и экологических неопределенностей и рисков.

В последние десятилетия в мире произошла глобальная социально-технологическая революция, которая по своему значению и последствиям затмевает те лежащие на поверхности проблемы и вызовы, с которыми столкнулись сегодня страны и народы. Человечество быстро входит в новую эпоху, содержательно охарактеризовать которую современная экономическая наука оказалась не в состоянии. Сказать, что последняя находится сегодня в гносеологическом кризисе, – не сказать ничего! Ж. Бодрийяр

категорически заявляет: «политическая экономия кончается на наших глазах, превращаясь в трансэкономику спекуляции, которая забавляется своей собственной логикой – закон стоимости, законы рынка, производство, прибавочная стоимость, классическая логика капитала, но которая не несет в себе более ничего экономического или политического. Это – чистая игра с изменчивыми и произвольными правилами, катастрофическая игра» [1, с. 53]. По существу сегодня правомерно говорить о гносеологической катастрофе Экономической науки, которая оказалась неспособной содержательно ответить на два главных фундаментальных вопроса политической экономии: в какой экономической системе человечество сегодня живет и какие интересы ее детерминируют?

Экономика рисков – это экономика высокотехнических и наукоемких производств, характеризующаяся высочайшей степенью политико-экономических, технологических, финансовых и экологических неопределенностей и рисков. В отличие от традиционных экономических рисков как возможности потерь хозяйствующими субъектами вследствие рыночной неопределенности или вмешательства государства в экономическую деятельность, являющихся атрибутивными признаками рыночной экономики, в современной экономике риски принимают всеобъемлющий характер, многие из них в принципе не предсказуемы – «черные лебеди», «эффект сверхуверенности» и т. д.

Нами уже неоднократно отмечалось, что «современная экономика перестает быть рыночной в понимании рынка первой половины XX века» [2, с. 23]. Радикальное изменение механизмов организации обмена между производителями и потребителями. Рыночный сегмент, длительное время господствующий в экономически развитых странах, становится периферийным. Для пострыночной экономики характерно наличие высокоэффективного промышленного производства, значительное увеличение доли сектора услуг в ВВП, дальнейшее увеличение значения знаний для развития экономики, развитие интернет-технологий и новые (пострыночные) формы конкурентной борьбы. Последние уже давно стали предметом изучения не только ученых-экономистов, но и других обществоведов и гуманитариев. Собственно говоря, важным отличием рыночной экономики от пострыночной экономики и выступают новые общественно-функциональные технологии, применяемые в конкурентной борьбе. Прежде всего, это общественно-функциональные технологии (информационное оружие), направленные на нелетальное разрушение социальных субъектов и ориентированные на противодействие этому разрушению. Если посмотреть на процессы сборки и разборки социального субъекта через призму категории экономика рисков, то становится очевидным, что в данном случае идет речь не только о нарушении рыночных принципов ценообразования, т. е. о значительном сокращении сферы применения закона спроса и предложения в хозяйственной практике, но и о нарушении законов образования и эволюции социальных классов, когда высшие классы могут навязывать средним и низшим классам свою идеологию, свою мораль, свои интересы. Иначе говоря, «класс в себе» не может стать «классом для себя» (К. Маркс), или в терминологии М. Вебера «класс» не может стать «социальным классом». А это значит, что классовая борьба, а ее никто не отменял, становится латентной и не предсказуемой [3]. В результате серьезно трансформируются социально-трудовые отношения и механизмы согласования экономических интересов, частично они становятся симулякрами, тем самым повышая непредсказуемость хозяйственной деятельности, порождают серьезные политико-экономические и технологические риски. Ж. Бодрийяр писал по этому поводу: «Традиционно инфляция и безработица составляют переменные, входящие в уравнение роста: на этом уровне кризиса нет – есть лишь неупорядоченные процессы, а сама неупорядоченность является тенью органической целостности. Ныне аномалия приобретает весьма тревожный характер. Она – не явный симптом, а странный знак упадка, нарушения правил какой-то тайной игры или, по меньшей мере, чего-либо, нам неизвестного» [1, с. 50].

Значительный вклад в превращение традиционной капиталистической экономики в экономику рисков принадлежит глобальным спекулятивным финансам. То, что в последние

двадцать лет значительно повысилась неустойчивость мировой экономики, прежде всего, связано с изменением в ней роли и функций финансов, а также значительным усилением глобальной финансовой неустойчивости. Причем в основе последней лежит «изменение природы и роли финансов: из обеспечивающих и обслуживающих экономику они стали доминирующими над экономикой, – отмечает М. А. Сажина. – Более того, работая преимущественно на себя, они действуют глобально. Оторванные от своего материального носителя, глобальные виртуальные финансы постоянно движутся, причем с очень высокой скоростью: за секунду миллиарды долларов, а за день триллионы долларов могут сменить своих собственников. В результате для виртуальных денег характерна постоянная смена субъекта собственности и размытость диффузия прав собственности. В следствие этого они потеряли такую характерную черту, как управляемость, выключились из процесса рыночного саморегулирования, усилили риски и придали экономике черты нестабильности» [4, с. 32]. Современные глобальные финансы значительно нарушают действие рыночных законов в планетарном масштабе. Ж. Бодрийяр писал по этому поводу: «есть нечто другое, гораздо более ошеломляющее чем инфляция. Это – оборот денежной массы, охватывающий Землю своей круговой орбитой» [1, с. 50]. Гносеологическое осмысление новой роли финансов во многом затруднено (помимо того, что современные глобальные финансы – это принципиально новое явления в экономической истории) еще и тем, что на региональном и страновом уровне финансы в ряде случаев продолжают выполнять свои традиционные функции.

Результатом деятельности глобальных финансов в условиях отсутствия действенных межстрановых институционально-финансовых фильтров (барьеров), защищающих национальные экономики от спекулятивных атак глобальной финансовой системы могут очень быстро разрушить национальный промышленный комплекс, сельское хозяйство и в целом сложившийся в данной стране уклад хозяйственной жизни. При этом «нарушаются не только сложившиеся макроэкономические пропорции, но и возникают новые диспропорции. Среди них: разрыв между инвестициями и сбережениями, появились страны с хроническим дефицитом и хроническим профицитом текущих статей платежного баланса, растет задолженность, учащаются и усиливаются финансовые кризисы» [4, с. 32]. При этом основой глобальной финансовой неустойчивости является информатизация и долларизация мировой экономики.

Еще одной важной причиной возникновения и сохранения экономики рисков выступает очень высокая неопределенность технико-технологических прогнозов. В результате возникает множество дополнительных рисков на уровне государства и коммерческих организаций, вызванных этой неопределенностью. Во многом в результате идеологического влияния социальной парадигмы постиндустриального общества в экономической науке до настоящего времени отсутствуют четкие фундаментальные теоретические представления о том, что же следует понимать под технологической эволюцией. В российской научной литературе эта гносеологическая проблема описывается так: «Известна идея – представить, технологическую эволюцию как смену неких технико-экономических парадигм (К. Перес), в российской более поздней версии – так называемых технологических укладов. Эти вещи ретроспективные, классификационные, это абстрактные схемы, ничего не проясняющие в технологическом развитии, поскольку никто ничего не может сказать о шестом (иногда и о пятом!), не говоря уже о седьмом или восьмом укладе (парадигме). Следовательно, пока точно не установлено, что составляет его основу (уклада), правдоподобно сказать о нем затруднительно, по крайней мере, на коротком отрезке времени. Только обернувшись назад, можно сказать о прошлых этапах, условно подразделяя их на некоторые периоды времени» [5, с. 12–13]. Иначе говоря, достаточно популярная сегодня концепция смены технологических укладов представляет собой ретроспективную концепт-схему. Однако этой идее придается вес не только как ретроспективной концепции-схеме [5, с. 12–13], а как основе для текущей экономической политики. Так, например, в

работе «Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике» [6], вышедшей в 2009 г., отмечается, что «всплеск и падение цен на энергоносители, мировой финансовый кризис – верные признаки завершающей фазы жизненного цикла доминирующего технологического уклада и начало структурной перестройки экономики на основе следующего уклада» [6, с. 17]. Оставляю в стороне вопрос, почему во время множества других мировых экономических кризисов, регулярно повторяющихся во второй половине XX, начале XXI веков и не редко сопровождаемых всплеском и падением цен на энергоносители (например, мировой кризис 1974-75 гг.) – это не свидетельствовало о смене доминирующих технологических укладов, отметим только, что социальная парадигма смены технологических укладов категориально не описана.

Литература

1. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр ; Пер. с фр. Л. Любарской, Е. Марковской. – 5-е изд. – М.: «Добросвет», «Издательство "КДУ"», 2014. – 260 с.
2. Солодовников, С. Ю. Феноменологическая природа взаимообусловленности экономической конкурентоспособности и социального капитала Беларуси и Украины / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2015 – Вып. 3. – С. 23–34.
3. Солодовников, С. Ю. Классы и классовая борьба в постиндустриальном обществе : методологические основы политико-экономического исследования / С. Ю. Солодовников. – Минск. : БНТУ, 2014. – 378 с.
4. Сажина, М. А. Природа современных финансов / М. А. Сажина // Экономические науки. – 2014. – № 9. – С. 25–33.
5. Сухарев, О. С. Индустриальная политика и развитие промышленных систем: Эволюция, институты и управление / О. С. Сухарев, Е. Н. Стрижакова. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 160 с.
6. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике» / С. Ю. Глазьев [и др] ; под ред. С. Ю. Глазьева, В. В. Харитоновна. – М.: Тривант, 2009. – 304 с.

УДК 005.44

Б. В. Сорвилов

sorvirov@yandex.ru

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, Беларусь

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ГРЯДУЩЕЕ ПРОШЛОЕ ИЛИ НАСТОЯЩЕЕ БУДУЩЕЕ

Автор рассуждает о будущем человеческой цивилизации и роли экономической науки в нем. В полемике с представителями различных школ экономической мысли анализируется инвариантность развития человечества и делается вывод, что потенциальная энергия знаний, накапливаемая научно-техническим прогрессом должна перейти в кинетическую энергию действия, которая выведет человечество в новую реальность.

Полвека назад спасение человечества один из классиков либерализма Фридрих фон Хайек находил в достижении «максимальных темпов роста», которые могут привести к новым успехам. Однако на практике оказалось, что цели достижения максимальных темпов роста противоречат интересам устойчивого развития. Милтен Фридман модернизировал идеи австрийской школы и попытался достичь устойчивости за счет использования монетарных методов регулирования экономики Хайека. Однако и эта идея также потерпела крах с кризисом 2008 года. В результате в последние десятилетия в экономической научной мысли наметились тенденции возвращения к идеям Дж. Кейнса, но и они, как свидетельствует практика, не способны решить существующей проблемы.

Ведущие экономисты планеты, нобелевские лауреаты, финансовые гуру, великие эксперты, либертарианцы, монетаристы, кейнсианцы, социалисты и коммунисты, все, абсолютно все находятся в полной растерянности: не знают и даже не представляют по сути, что делать дальше. Это подтверждают и последние саммиты G-7 в Бельгии, Германии,